

УДК 82-1:821.161.1

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-2-69-79

Павловск как сакральный локус в поэтическом мире Леонида Аронзона

Аркадий А. Чевтаев

*Российский государственный гидрометеорологический университет,
Санкт-Петербург, Россия, achevtaev@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается репрезентация Павловска как сакрального локуса в поэтическом творчестве Л. Аронзона. Структурно-семантический анализ стихотворения «Павловск» (1961) как наиболее репрезентативного текста показывает, что смысловой регистр представления «павловского» пространства свидетельствует о его неразрывной связи с морально-земными и витально-космическими представлениями поэта. Делается вывод, что в лирике Л. Аронзона художественно проверяется онтологическая совместимость земного микрокосма и «звездного» макрокосма в пространственно-аксиологических реалиях Павловска как сакрального центра моделируемого универсума.

Ключевые слова: Л. Аронзон, лирический субъект, мифологизм, художественное пространство, сюжетостроение

Для цитирования: Чевтаев А.А. Павловск как сакральный локус в поэтическом мире Леонида Аронзона // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 2. С. 69–79. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-2-69-79

Pavlovsk as a sacral locus in the poetic world of Leonid Aronzon

Arkadii A. Chevtaev

*Russian State Hydrometeorological University, Saint Petersburg,
Russia, ahevtaev@yandex.ru*

Abstract. The article considers the representation of Pavlovsk as a sacral locus in the poetic work by L. Aronzon. The structural-semantic analysis of the poem “Pavlovsk” (1961) as the most representative text shows that the semantic register of the representation of the “pavlovsky” space testifies to its inextricable connection with the mortal-earthly and vital-cosmic visions

© Чевтаев А.А., 2025

of the poet. It is concluded that the lyric of L. Aronzon artistically checks the ontological compatibility of the earth's microcosm and the "sidereal" macrocosm in the space-axiological realities of Pavlovsk as the sacral center of the simulated universe.

Keywords: Leonid Aronzon, lyrical subject, mythologism, artistic space, structure of plot

For citation: Chevtaev, A.A. (2025), "Pavlovsk as a sacral locus in the poetic world of Leonid Aronzon", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 2, pp. 69–79, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-2-69-79

В основе поэтического универсума Л.Л. Аронсона находится представление о принципиальной проницаемости границ между явной (вещественно постулируемой) и скрытой (духовно присутствующей) сторонами мироздания. Способность лирического сознания к трансгрессивному переходу из первого измерения бытия во второе утверждается в творчестве поэта одновременно и как сущность отношений на оси «я – мир», и как ценностно-смысловая «сверхзадача», цель творческих и бытийных исканий человека. При этом «точке зрения» лирического субъекта присуще не столько мистическое прозрение синтеза внешнего и внутреннего аспектов миропорядка, сколько эмпирическое «схватывание» проступающего в материально явленном предмете спектра духовных смыслов. Такой «взгляд» на мироздание, в конечном итоге устремленный к постижению единства жизни и смерти, продуцирует предельное внимание поэтического «я» к той витальной полноте природных феноменов, вне которой невозможно приблизиться к подлинной тайне мира.

По мысли Вл.И. Эрля, сущность аронзонского поэтического мира может быть определена как «мир-пейзаж», «обитатели и детали» которого «весьма конкретны и воплощены автором в прямом смысле этого слова» [Эрль 1991, с. 220]. Жажда узреть материально-эмпирические контуры скрытой от человеческого взора реальности и вскрыть вещественное присутствие в земном мире мира иного эксплицирует фундамент художественной идеологии Л. Аронсона: представление о том, что прозрение духовных горизонтов бытия возможно только посредством осознания родства с природным миром, неизменно свидетельствующим об онтологической цельности вселенной. Истоками такого мироощущения являются натурфилософская линия развития русской поэзии XX в., концептуализированная в творчестве Н.А. Заболоцкого

и В. Хлебникова, а также природно-антропологический неосинкретизм лирики Б.Л. Пастернака. Наследуя традиции поэтической натурфилософии и конструируя свой художественный мир как «пейзаж», осязательность и вещественность которого принципиально одухотворены, Л. Аронзон мыслит природную реальность носителем бытийной гармонии и проводником человеческого «я» в тайные области мироздания.

Репрезентация природы в различных модусах ее существования, присущая аронзонской поэтике, ведет к предельной актуализации пространственного измерения художественного мира и детальному изображению эмпирических феноменов, представленных в моделируемом пространстве. Как указывает А.И. Степанов, в лирике Л. Аронсона «ландшафт маркируется вполне традиционными образами холмов, деревьев, водоемов, облаков, цветов, птиц, насекомых» [Степанов 2006, с. 51]. Данные знаки в творчестве поэта являются основой построения окказиональной мифологии, репрезентируя «анимистическое переживание слитности человека с природой» [Степанов 2006, с. 46] и задавая аксиологические параметры самоопределения лирического субъекта. При этом организация пространства не только свидетельствует об «анимизме» субъектного мировидения и созерцаемом единении человеческого «я» и природного мира, но и вскрывает те области земной реальности, в которых за природно-вещественной плотностью бытия отчетливо проступают его сокровенные смыслы. Аронзонское художественное пространство, будучи осязательным и предметно-уплотненным, индексирует приближение субъектного «я» к осознанию целостности универсума и онтологической взаимообусловленности жизни и смерти в их природно-антропологической ценности.

В поэзии Л. Аронсона наиболее значимыми и многомерными локусами, обладающими предельно сакральным статусом, являются «сад», «холмы», «озеро», «поле», в семантике которых на первый план выдвигается природная первозданность мира. В этих пространственных областях лирический субъект ощущает причастность глубинным основаниям бытия и возможность духовного преображения (ср.: «Каждый легок и мал, кто взошел на вершину холма. / Как и легок и мал он, венчая вершину лесного холма! / Чей там взмах, чья душа или это молитва сама? / Нас в детей обращает вершина лесного холма!» («Утро», 1966, с. 108¹). Освобождение от тяжести косного сознания, замкнутого в повсе-

¹ Аронзон Л.Л. Собрание произведений: В 2 т. Т. 1. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2006. 560 с. Здесь и далее тексты стихотворений Л. Аронсона цитируются в тексте по данному изданию.

дневность, может свершиться в бытийно-самодостаточном пространстве природы, частью которого осознает себя субъектное «я». Вместе с тем, в поэтике Л. Аронсона природно-антропологический космос представлен не только естественным ландшафтом земного мира, но и рукотворным пространством, отмеченным творческой волей человека. «Город» и его пространственные реалии также вовлекаются в поиск лирическим героем онтологических оснований миропорядка и мыслятся своеобразными «вратами» в «оцелненный» универсум. Одним их характерных для творчества поэта аспектов сакрализации природного и антропологического начал в их неразрывном единстве предстает рефлексивное осмысление пространственно-аксиологического статуса Павловска. Историко-культурный и эстетический потенциал этого петербургского дворцового пригорода в художественной концепции Л. Аронсона способствует бытийной самоактуализации субъектного «я», жаждущего преодолеть антиномию жизни и смерти и тем самым достичь конвергенции микрокосма и макрокосма.

Целью предлагаемой статьи является рассмотрение художественной репрезентации Павловска в поэтическом мире Л. Аронсона как сакрального локуса, в пространственной данности которого свершается онтологическое преображение человека и осуществляется трансгрессия между земной и небесно-космической сферами миропорядка. Павловское природно-парковое пространство предстает в творчестве поэта той областью существования, в которой максимально раскрывается конфликтное противостояние жизни и смерти и проступают контуры их природной соотнесенности.

Пространство Павловска, по наблюдениям В.Н. Топорова, с одной стороны, обнаруживает «синтез природы и культуры <...> как явление “аполлоновского” начала», а с другой – «приглашает <...> к такой встрече созерцающего и созерцаемого», в которой оказываются возможными «удивительные встречи и открытия» [Топоров 2003, с. 229]. В русской поэзии XX в. мифологизация Павловского парка становится константным параметром построения индивидуально-авторских художественных миров. Садово-парковое пространство Павловска актуализируется в поэтическом творчестве таких поэтов, как, например, Б.К. Лившиц, М.А. Кузмин, А.А. Ахматова, Г.В. Иванов, О.Э. Мандельштам, А.С. Кушнер [Разумовская 2014, с. 144–161]. «Павловский» локус обыкновенно сопрягается с эстетически преображенной природой, парковая упорядоченность которой свидетельствует о творческой сущности человеческого «я», способного обратить хаос природного мира в антропологический космос, придать ему

«аполлонически» «“сильное” цельное единство» [Топоров 2003, с. 229]. Именно в соотношении человеческого и природного начал наблюдается существенное расхождение поэтического видения Павловска Л. Аронсоном относительно сложившейся традиции русского «аполлонизма». Данный локус в творчестве поэта обретает сакральный статус в силу не столько причастности культуре, сколько концентрации в нем природно-витальных сил. Павловский парк, не утрачивая связи с человеческим «я», оказывается пространственной зоной вхождения в мир людей инобытия природы в ее космическом значении. В этом отношении аронзонское представление о «павловском» пространстве сближается с идеологемой пограничного состояния между обыденностью и тайной, утверждаемого в стихотворении А. Ахматовой «Все мне видится Павловск холмистый...» (1915), в котором данный локус оказывается точкой возможного преобразования «я»: «Все мне видится Павловск холмистый, / Круглый луг, неживая вода, / Самый томный и самый тенистый, / Ведь его не забыть никогда. // Как в ворота чугунные въедешь, / Тронет тело блаженная дрожь, / Не живешь, а ликуешь и бредишь, / Иль совсем по-иному живешь»².

Мифопоэтика Павловска наиболее отчетливо предстает в одноименном стихотворении Л. Аронсона, написанном в 1961 г. и репрезентирующем ключевые аспекты восприятия лирическим сознанием данного пространства. В стихотворении «Павловск», с одной стороны, эксплицируется антиномичность бытия, а с другой – намечается возможность снятия антиномий и их претворение в единство макрокосма и микрокосма. Текст состоит из трех строфически выделенных частей, каждая из которых акцентирует поворот в развертывании лирического сюжета. В первой строфе лирический субъект изображает созерцаемые им пейзажные реалии Павловска:

Уже сумерки, как дожди.
Мокрый Павловск, осенний Павловск
облетает, слетает, дрожит,
как свеча оплывает.
О август,
схоронишь ли меня, как трава
сохраняет опавшие листья,
или мягкая лисья тропа
приведет меня снова в столицу? (с. 275)

² Ахматова А.А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1: Стихотворения, 1904–1941. М.: Эллис Лак, 1998. С. 246.

Заданное в 1-й строке стихотворения тождество «сумеречного» и «дождливого» измерений миропорядка способствует репрезентации Павловского парка как природного пространства. «Дождливо-осеннее» состояние Павловска мгновенно оборачивается вскрытием его «одушевленности», маркированной предикативной градацией («облетает, слетает, дрожит»). При этом здесь акцентируется темпоральное расподобление: изображаемый мир принадлежит «августовскому» времени, а значит «осень» как природный регистр оказывается не знаком времени года, а индексом ощущений лирического субъекта. Обращение к «августу», во временной точке которого обнаруживает себя лирическое «я», имеет принципиальное значение для поэтики Л. Аронсона, так как именно в «августовском» измерении бытия его лирический субъект обнаруживает возможности соотношения витального и смертного начал миропорядка. «Август» предстает одновременно и временем предельного погружения в эмпирику жизни, и темпоральным предвосхищением (досрочным приближением) «осени», в аронзонской мифопоэтике тождественной смерти (ср.: «Всё осознай: и ночь, и смерть, и август» («Август», 1961, с. 272); «Храни в гербариях мишурных, / читая летопись созвездий, / тот сад и лист, тех птиц и сумрак, / о август, месяц мой последний» («Август», 1961, с. 274); «А всюду так же, как в душе: / еще не август, но уже» («То потрепещет, то ничуть...», 1970, с. 214).

Апелляция к «августу» как персонифицированному времени проникновения границы между посюсторонне-человеческим и потусторонне-природным измерениям миропорядка одновременно постулирует и точку перехода в пространство смерти, и возможность продления сугубо антропологического жизненного пути. Лирический субъект осознает явленную «августовским» пространством Павловска близость смертного погружения в природное инобытие («схоронишь ли меня, как трава / сохраняет опавшие листья»), но допускает возможность отпадения от маркированной «павловским» «августом» природной гармонии как продление жизни и ее земных перипетий: «<...> или мягкая лисья тропа / приведет меня снова в столицу?». Очевидно, что возвращение в культурно-антропологическую столицу (Петербург-Ленинград) для лирического «я» является амбивалентным поворотом жизненной стези: жажда земной жизни сталкивается с желанием постичь откровение смерти.

Как видно, уже в начальной точке сюжетного развертывания стихотворения Павловск предстает сакральным пространством, в природно-парковой упорядоченности которого оказывается возможным претворение внутреннего во внешнее, витального в мор-

тальное, земного в небесное. В этом отношении аронзонская мифопоэтика демонстрирует не столько движение к онтологическому центру миропорядка – искомому «концу пути», в пространственной данности которого «находятся высшие сакральные ценности» [Топоров 1983, с. 259], сколько рефлексивное постижение этого уже достигнутого центра. Павловск достижим как географический объект и как природно-парковая зона культурной идентификации человечества. Однако для лирического субъекта принципиальным значением обладает способность «павловского» пространства соединять бытийные стремления человеческого «я» с природной сущностью универсума.

Поэтому во второй строфе стихотворения лирический герой пытается ментально соединить антропологическое сознание своей смертности с идеологемой извечного существования природного миропорядка. В этой точке разворачивания лирического сюжета совершается попытка верифицировать и понять собственную смерть:

В этой осени желчь фонарей,
и плывут, окунаясь, плафоны,
так явись, моя смерть, в октябре
на размытых, как лица, платформах,
а не здесь, где деревья – цари,
где царит умирание прели,
где последняя птица парит
и сползает, как лист, по ступеням,
и ложится полуночный свет
там, где дуб, как неузнанный сверстник,
каждой веткою бьется вослед,
оставаясь, как прежде, в бессмертье (с. 275).

Предвосхищаемая в «августовском» Павловске «осень» становится знаком приобщения к финалу личного земного пути. «Павловский» локус обнаруживает в себе антропологические реалии мира («желчь фонарей», «плафоны»), в семантике которых редуцируется рукотворность и на первый план выводится их укорененность в естественно-природное пространство. При этом искусственный свет «фонарей» прокладывает маршрут субъектной рефлексии к идеологеме смерти, которая мыслится неизбежной, но отодвигаемой точкой взаимодействия лирического «я» и миропорядка. «Осень», проступающая в «августовском» пространстве Павловска, видится лирическому герою предвестником смерти, однако «август» – это еще не настоящая «осень», а только ее преддверие, а значит – время умирания можно отстрочить: «<...> так явись, моя

смерть, в октябре». Отметим, что в этой строке обнаруживается провиденциальный характер поэтического мировидения поэта: Л. Аронзон погиб именно осенью, застрелившись 13 октября 1970 г.

Павловск, с которым соприкасается лирическое «я», предстает подлинным «царством» природы: наиболее видные его представители – «деревья-цари», мифопоэтически символизирующие «синтез неба, земли и воды»³, т. е. единство всех витальных аспектов земного бытия, мыслятся естественным препятствием смерти. Эта неизбежность витальных сил природного мира эксплицируется в ряду «умирающей» природы («умирание прели», «последняя птица»), семантика которой в конечном счете сопрягается с эксплицированной идеологемой бессмертья (ср.: «<...> там, где дуб, как неузнанный вестник, / каждой веткою бьется вослед, / оставаясь, как прежде, в бессмертье»).

Утверждаемая точка схождения витального и смертного начал как знак претворения всего эмпирически сущего в онтологическую неизбежность вечного существования осложняется антропологическим измерением субъектной «точки зрения»: лирический герой остается человеком, а значит – опыт природного бессмертья он сопрягает с личностным измерением «я». По мысли О.А. Седаковой, в аронзонской поэтике максимально заостряется кульминация репрезентируемых лирических ситуаций, тем самым интенсифицируя приближение лирического «я» «к пределу собственной полноты, которая одновременно есть выход из себя, из своей данности» [Седакова 2010, с. 517]. Данное суждение представляется особенно важным, так как кульминационное событие в рассматриваемом стихотворении достигает своей ценностно-смысловой вершины именно в связи с постижением космического масштаба миропорядка.

В третьей строфе «Павловска» лирический субъект перенимает у природы ее «царственные» функции, срастаясь в этой ипостаси с «деревами-царями» и продолжая их природное бытие:

Здесь я царствую, здесь я один,
 посему – разыгравшийся в лицах –
 распускаю себя, как дожди,
 и к земле прижимаюсь, как листья,
 и дворцовая ночь среди гнезд
 расточает медлительный август
 бесконечным падением звезд
 на открытый и сумрачный Павловск (с. 276).

³ *Купер Дж.* Энциклопедия символов. М.: Золотой век, 1995. С. 69.

«Царствование» лирического «я», укоренное в его экзистенциальное одиночество, мыслится феноменом человеческого существования как такого, где «один» может быть знаком множества («разыгравшийся в лицах»), а потому его бытие оказывается своеобразной «идеальной» матрицей бытия всего человечества. Выход лирического субъекта за пределы собственной идентичности («распускаю себя, как дожди») маркирует его онтологическое слияние с природой во всей полноте ее предосеннего увядания. Такое преодоление субъектных границ «я» в реалиях «августовского» Павловска и конвергентное соединение с космической реальностью миропорядка эксплицируется за счет «зеркальности» разных измерений существования. Согласно наблюдениям А.И. Степанова, «мотив подобия, отражения» является одним из ключевых мотивов в поэтическом универсуме Л. Аронсона и обуславливает свойственное его лирике постулирование «подобия различных предметов друг другу в мире-видении, превращения одного в другое» [Степанов 2006, с. 39].

В финальной части стихотворения поэтика «отражений» становится ценностно-смысловым «пуантом», посредством которого разнородные аспекты мироздания обретают смысловое единство. Такое взаимопроникновение реализуется посредством сильных позиций рифмующихся словоформ, представляющих противоположности: «один» – «дожди» раскрывает растворение индивидуального человеческого микрокосма в универсальном природном макрокосме; «в лицах» – «листья» индексирует родство многомерности человечества и многообразия природы; «гнезда» – «звезды» предстает взаимным отражением природно-птичьего и космического истоков движения; «август» – Павловск» определяет сакральный статус пространства в свете сакрального времени. Семантическое притяжение данных знаков продуцирует идеологему пребывания лирического «я» в пространственно-аксиологической точке подлинного откровения о сущности мира.

Важным видится то, что парковая реальность Павловска в финальной строке стихотворения определяется как пространственно и онтологически безграничный мир («открытый и сумрачный Павловск»). Соответственно, та открытость «осеннему» увяданию и смерти, с которым сопрягается «павловский» локус в сознании поэта, мыслится не окончанием бытия, а возможностью его продления и претворения в естественно-природные формы существования.

Поэтому Павловск в поэзии Л. Аронсона предстает не только сакральной точкой единения жизни и смерти, но и возможной защитой от расподобления витального и мортального начал. Так, в стихотворении «Море за редколесьем...» (1962) «павловская» реальность мыслится одним из возможных способов избежать небы-

тия, явленного природной границей – «августом»: «Как уберечься от августа: / морем ли за редколесьем, / мокрым ли утренним Павловском, / садом, сбегающим с лестниц?» (с. 296) В поэтическом сознании Л. Аронсона природный мир Павловска неразрывно связан с «августовским» предсмертьем, и потому он становится универсальным пространством причастности человеческого «я» инобытию, то есть отраженному в земных реалиях звездному космосу, что утверждается в первой части цикла «Невтиснутое» (1962): «Когда, соседствуя с заливом, / тыходишь в бор и видишь осень, / и, вся вытягиваясь ливнем, / таишься выслеженной гостьей, // всё тот же сад гнездится в августе / и расточает вечной данью / паденьем звезд на листья Павловска / витые жилы мирозданья» (с. 310). Женское «я» возлюбленной лирического субъекта здесь сливается и со стихией дождя, и с «августовским» садом, и с природным обликом Павловска, то есть несет в себе отпечаток посмертного существования.

Итак, в поэзии Л. Аронсона Павловск предстает тем локусом, в котором лирическое «я» сознает себя в «моменте единого и единственного открытого события бытия» [Бахтин 2003, с. 173]. Смысловый регистр, определяющий репрезентацию «павловского» пространства, свидетельствует о его неразрывной связи с смертно-земными и витально-космическими представлениями поэта. Оказываясь предельно сакрализованной пространственно-аксиологической областью в структуре поэтического мира Л. Аронсона, Павловск соединяет в своей природно-антропологической данности индивидуальное бытие человеческого «я» и универсальное существование космоса. Соответственно, онтологическая совместимость земного микрокосма и «звездного» макрокосма проверяется в «августовской» реальности Павловска как сакрального локуса аронзонского художественного мира.

Литература

- Бахтин 2003 – *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 69–263.
- Разумовская 2014 – *Разумовская А.Г.* Сады российской поэзии (от символизма до постмодернизма). СПб.: [Б. и.], 2014. 436 с.
- Седакова 2010 – *Седакова О.А.* Леонид Аронзон: поэт кульминации // Седакова О.А. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3: Poetica. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 515–528.
- Степанов 2006 – *Степанов А.И.* «Живое всё одену словом»: Заметки о поэтике Леонида Аронсона // Аронзон Л.Л. Собрание произведений: В 2 т. Т. 1. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2006. С. 21–54.

- Топоров 1983 – *Топоров В.Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура / отв. ред. Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1983. С. 227–284.
- Топоров 2003 – *Топоров В.Н.* Из истории петербургского аполлинизма: его золотые годы и его крушение // Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство–СПб., 2003. С. 119–262.
- Эрль 1991 – *Эрль В.И.* Несколько слов о Леониде Аронзоне (1939–1970) // Вестник новой литературы. 1991. № 3. С. 214–226.

References

- Bakhtin, M.M. (2003), “The author and the hero in aesthetic activity”, in Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii: V 7 t.* [Collected works], Moscow, Russia, vol. 1, pp. 69–263.
- Razumovskaya, A.G. (2014), *Sady rossiiskoi poezii (ot simvolizma do postmodernizma)* [Gardens of Russian poetry (from symbolism to postmodernism)], Saint Petersburg, Russia.
- Sedakova, O.A. (2010), “Leonid Aronzon. Poet of the climax”, in Sedakova, O.A. *Sobranie sochinenii: V 4 t. T. 3: Poetika* [Collected works, vol. 3: Poetica], Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, Moscow, Russia, pp. 515–528.
- Stepanov, A.I. (2006), “‘I will clothe everything alive with a word’. Notes on Leonid Aronzon’s poetics”, in Aronzon, L.L., *Sobranie proizvedenii: V 2 t.* [Collected works], Saint Petersburg, Russia, vol. 1, pp. 21–54.
- Toporov, V.N. (1983), “Space and text”, in Tsiv’yan, T.V., ed., *Tekst: semantika i struktura* [Text. Semantics and structure], Nauka, Moscow, Russia, pp. 227–284.
- Toporov, V.N. (2003), “From the history of Petersburg Apollinism. Its Golden years and its collapse”, in Toporov, V.N., *Peterburgskii tekst russkoi literatury: Izbrannye trudy* [The Petersburg text of Russian literature. Selected works], Iskusstvo–SPb., Saint Petersburg, Russia, pp. 119–262.
- Erl’, V.I. (1991), “A few words about Leonid Aronzon (1939–1970)”, *Vestnik novoi literatury*, no. 3, pp. 214–226.

Информация об авторе

Аркадий А. Чевтаев, кандидат филологических наук, Российский государственный гидрометеорологический университет, Санкт-Петербург, Россия; 190103, Россия, Санкт-Петербург, Рижский пр-т, д. 11; achevtaev@yandex.ru

Information about the author

Arkadii A. Chevtaev, Cand. of Sci. (Philology), Russian State Hydrometeorological University, Saint Petersburg, Russia; 11, Rizhsky Av., Saint Petersburg, Russia, 190103; achevtaev@yandex.ru